

Сказка “Теремок”: логика инварианта и пределы варьирования

В сборнике статей памяти В.Я. Проппа, вышедшем в 1975 г., В.В. Иванов и В.Н. Топоров сформулировали бесспорную сегодня мысль о продуктивности и универсальности “представления об инварианте, сохраняющемся при всех преобразованиях данного типа”¹, особо подчеркнув важность такого подхода для изучения фольклора. В исследованиях, посвященных конкретным фольклорным жанрам и отдельным произведениям, можно встретить немало переформулировок этого положения, примеров его практического осуществления².

Эта статья посвящена исследованию законов варьирования и природы инварианта русской народной сказки “Теремок”. Работа выполнена на материале 18 русских вариантов сказки³, учтены также

---

¹ В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 44.

² См. например: К.В. Чистов. Исполнитель фольклора и его текст // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 91-100.

³ **1. Череп-терем** (“Была муха-горюха...”).

Записано от М.Д. Кривополеновой. См.: а) М.Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки / Ред., вст. ст. и примеч. А.А. Морозова. Архангельск, 1950. С. 99-101; б) Библиотека русской сказки: В 10 т. М., 1992. Т. 1. С. 150-151 (Ю. Круглов); в) Библиотека русского фольклора. Сказки. Книга 1. (Ю. Круглов) М., 1988. С. 174-176.

2. Терем мухи (“Построила муха терем”).

Афанасьев, № 82. Записано в Арханг. губ. А. Харитоновым. См.: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3-х т / Изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. М., 1984-1985. С. 104.

3. Терем мухи (“Ехал мужик с горшками...”).

Афанасьев, № 83. Место записи неизвестно. См.: Там же. С. 104-105.

4. Терем мухи (“Лежит в поле лошадиная голова”).

Афанасьев, № 84. Записано в Московском уезде. См.: Там же. С. 105-106.

5. Теремок (“Шел мужик по дороге...”).

Записано М. Серовой в Карелии. Обработка И. Карнауховой (“Сказки бабушки Арины”).

6. Звери в решете (“Ехал мужик с решетом...”).

Записал А. Смирнов от крестьянки Аксиньи Юдиной. См.: Сборник великорусских сказок архива русского географического общества / Издал А.М. Смирнов // Записки РГО. 1917. Т. 44. Вып. 1. № 75.

7. “Шел бурлака, рукавицу потерял...”

Записано в 50-е гг. XIX в. в Вятской губ. См.: Там же. № 136.

8. Домок (“Ехал мужик да корчажку уронил...”).

Записано от крестьянина Ив. Петрова, 1874 г., Нижегородская губ. См.: Там же. № 162.

9. Муха (“Жил был старик со старухой...”).

См.: Пермский сборник. 1859. Кн. 1. С. 121-122.

10. Терем-теремок (“Вез старик воз с горшками...”).

Записано от М.С. Медведевой в с. Шуньга Н.Ф. Онегиной, А.Т. Токконен. См.: Сказки Заонежья.

11. Решето (“Бежало решето по дороге...”).

латышский, украинский и белорусский варианты⁴, а также обработки сказки для детских изданий⁵ и авторские произведения для детей, созданные на сюжет “Теремка”⁶.

Сказка “Теремок” была учтена В.Я. Проппом при классификации русских кумулятивных сказок в его статье “Кумулятивная сказка”; здесь же высказано мнение исследователя о художественной значимости этой сказки⁷. Как известно, В.Я. Проппа интересовали отношения между разными сказками (сказка “Теремок” в сравнении с другими кумулятивными сказками; своеобразие кумулятивных сказок по сравнению с волшебными и др.).

Работу в пределах одного произведения — собирание и сопоставление всех известных вариантов — В.Я. Пропп считал необходимой, но предварительной, “дающей право только на частные выводы”⁸. Тем не менее только такое сопоставление позволяет “нащупать” инвариантную основу сказки и реконструировать механизм,

---

Записано Н.Е. Ончуковым от странницы (Олонецкая губ.). См.: Северные сказки: Сборник Н.Е. Очукова // Записки РГО. 1908. Т. XXXIII. С. 487. № 219.

12. Вошиная хата (“В одном городе там вошь жила...”).

Запись от А.А. Шахматова (Олонецкая губ.). См.: Там же. С. 324-325. № 135.

13. Краюшка хлеба (“Жили старик со старухой...”).

Записано в с. Варгуза от Е.Д. Коневой. См.: Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подготовил Д.И. Балашов. Л., 1970. № 79. С. 256-257.

14. Терем-теремок (“Ехал мужик с решетьем...”).

Записано в с. Варгуза от Е.Д. Коневой. См.: Там же. № 75. С. 249-250.

15. Мышка-норушка (“Вот едет мышка-норушка...”).

Записано от М.Ф. Заборщиковой. См.: Там же. № 99. С. 325-327. (контаминация)

16. Теремок (“Поехал мужик на пашню, потерял дорогой рукавичку...”).

См.: Сказки Красноярского края: Сборник М.В. Красноженовой. Л., 1937. № 29. С. 227-231. (контаминация)

17. Терем-теремок (“Бежит мышка...”).

Записано в Литве от О.Д. Баланки. См.: Русский фольклор в Литве. Вильнюс, 1975. С. 142-143.

18. Кто в тереме живет? (“Ехал решетник на базар...”).

Записано в Литве от А.Л. Парфеновой. См.: Там же. С. 143-144. (контаминация)

⁴ Украинская народная сказка “Рукавичка” в переводе Г. Петникова; белорусская народная сказка “Муха-певуха” в переводе Г. Петникова; “Рукавичка”, латышская сказка в переводе М. Крупниковой; “Старик с квашней и звери”, латышская сказка в переводе М. Крупниковой.

⁵ Обработки для детских изданий выполнены К.Д. Ушинским, А.Н. Толстым, О.И. Капицей, А. Нечаевым, М. Булатовым. Обработки В.И. Даля и Е.И. Чарушина приближаются к авторским версиям сказки.

⁶ М. Михайлов, “Лесные хоромы”; В. Бианки, “Теремок”; С. Маршак, “Теремок” (сказка-пьеса); В. Сутеев, “Под грибом”. Очень своеобразно обыгран кумуляция “Теремка” в стихотворении Д. Хармса “Как Володя быстро под гору летел”.

⁷ В.Я. Пропп. Кумулятивная сказка // В.Я. Пропп. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976.

⁸ В.Я. Пропп. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // В.Я. Пропп. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 175-176.

определяющий ее бытование вплоть до современных литературных версий.

* * *

Закрепившееся в массовом обиходе название “Теремок”, а также представленные в вариантах названия (“Терем мухи”, “Терем мышки”, “Домок”, “Череп-терем”, “Звери в решетке”, “Решето”, “Вошинная хата” и др.) акцентируют *пространство* сказки, место действия и одновременно выделяют *активное начало*, центр притяжения и причину взаимодействия всех сказочных персонажей. Действительно, именно *пространство теремка* собирает вокруг себя лесных обитателей, стремящихся попасть *внутри* без каких-либо сказочных мотивировок.

Пространство теремка ведет себя то активно-гостеприимно (приходящих *приглашают* войти в теремок), то дружелюбно-уступчиво (приходящие *просят*ся внутрь, и их охотно *пускают*), то *нейтрально*, не проявляя ни уступчивости, ни гостеприимства, где сказка фиксирует лишь приход нового персонажа в терем. И хотя *приглашают* (соглашаются принять) в теремок *персонажи* — муха, комар, горностай и т.д., но *характером* обладают не они, а именно *теремок*, некоторое внутреннее пространство: ведь все персонажи говорят *одно и то же*, как бы играя одну и ту же роль и подчиняясь законам того пространства, обитателями которого им *посчастливилось* стать.

По этому признаку имеющиеся в нашем распоряжении фольклорные записи сказки можно разделить на три группы:

1) “Гостеприимный теремок” (8 вариантов):

«Прилетел комар и стучится: “Кто в хоромах, кто в высоких?” — “Я, муха-шумиха; а ты кто?” — “Я из-за угла хмыстень.” — “Иди к нам жить.” И стало их трое.» (3)

2) “Уступчивый теремок” (8 вариантов):

«— Терем-терем-теремок, кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха.

— А я комар-пискун, *пусти меня жить*.

— *Ну, приходи*.

Ну, ладно, стали двое жить.» (10)

3) “Нейтральный теремок” (2 варианта):

«Пришла блоха-попрядуха: “Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?” — “Я, муха-горюха, да вошь-поползуха.” Пришел комар долгоногий...» (2)

Можно предположить, что третья группа, представленная всего двумя записями, далека от исходного инварианта, наделяющего теремок определенным типом активности. Диалог, входящий в сказочную “формулу”, в этих текстах оказывается стянутым, сплюснутым,

драматизм действия на границе внешнего/внутреннего пространств, составляющий основное напряжение сказки, здесь значительно снижен. Несомненно, эти варианты дают меньше материала для интонирования, исполнительской импровизации, возможность которой появляется благодаря эмоциональной окрашенности пространства теремка. Лишнее подтверждение вторичности “нейтрального” теремка — единичная реплика “Полезь в рукавицу” в варианте 7, выдающая происхождение подобных вариантов от текстов с “гостеприимным” теремком.

Такое наделение теремка “человеческими” характеристиками, несомненно, относящееся к инварианту, становится возможным в результате своеобразного метонимического сращивания пространства теремка и его обитателей: *они ведут себя как единое целое*. В ряде вариантов неясно, кто отвечает на вопрос прибывающих персонажей и приглашает войти в теремок: «Таракан бежит: “Кто в терему, кто в высококом?” — “Муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун... А ты кто?” — “Таракан-шеркун! Пустите меня на подворье!” — “Ну, иди!” (1). Здесь происходит максимальное сращивание теремка и его обитателей: так мог бы ответить сам теремок. В других вариантах аналогичные реплики принадлежат первому персонажу, “открывшему” теремок (“Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень...” (3)), или же каждый персонаж отвечает сам за себя (“Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха” (2)). Так или иначе, инвариант безразличен к приведенным частностям, ему важно лишь, чтобы *из теремка* отвечали, спрашивали, приглашали.

В ряде вариантов метонимическое сращивание заявляет о себе и в характере обращения прибывающих персонажей (не к обитателям, а к самому теремку): “*Терем-теремок*, кто в тереме живет?” (4, 5); “Хорош *терем*, пригож *терем*, кто тут живет?” (6); “Чей это домок, чей это хорош, кто в тебе живет?” (8).

Обладающему определенной активностью внутреннему пространству теремка во всех вариантах противостоит внешнее — аморфное, пассивное пространство, *из которого* появляются один за одним сказочные персонажи.

То, что в оппозиции внешний/внутренний именно член “внутренний” маркирован позитивно, несомненно: все персонажи так или иначе *стремятся* попасть *внутрь*; разрушение емкости совпадает с концом сказки, исчерпывая кумулятивный сюжет; не случайно правила инварианта не задают жестко “судьбу” персонажей — звери то гибнут под лапой медведя, то разбегаются, то сказка вовсе умалчивает о последствиях медвежьего “гнета”. Важно лишь, что пришел конец самому теремку (“Я всем вам гнетыш” — концовка текста 7, “Спустил лапой по терему и разбил его” — концовка текста 1). Крушение теремка — по инварианту — и есть завершение сказки. Между тем отдельные

варианты нередко конкретизируют судьбу зверей (погибли, уцелели, разбежались и т.д.), вплоть до наращивания новых сюжетов и создания контаминаций (15, 16). Можно сказать, что здесь инвариант ведет себя нежестко, проявляя лишь безразличие, но не запрещая (как запрещает он “заглядывать” внутрь теремка, разнообразить “словесный наряд” диалогов и др.).

Такое равнодушие инварианта к судьбе персонажей после крушения теремка обнаруживает истинного героя сказки — это, безусловно, сам теремок, некий предмет, имеющий внутреннее пространство — кувшин, корчажка, лошадиный остов, решето, рукавица, гнездо, какой-то “терем”, “домок” или просто краюшка хлеба. По сути дела, *начало* сказки, ее экспозиция связана либо с созданием (рождением) этого предмета (2: “Построила муха терем...”), либо с попаданием предмета “культурного”, “человеческого” в природную среду, в распоряжение ее обитателей (3: “Ехал мужик с горшками, потерял большой кувшин...”). Экспозиция с лошадиной головой (4) описывает ситуацию обнаружения персонажами емкости в природной среде. Подчеркнем, что инвариант сказки *безразличен* к характеру этой емкости, к типу предмета, его форме; важно лишь наличие некоторого ограниченного по объему *внутреннего пространства* (совершенно естественно, что сказочные варианты со вкусом и разнообразно конкретизируют эту “лакуну” инварианта). Отметим попутно, что в нескольких вариантах “внутренность” теремка замещена его ограниченностью, *отграниченностью* от остального пространства (лодочка — варианты 13, 15; в латышской сказке — столик, который устраивают лесные обитатели на доньшке перевернутой квашни). Можно, вероятно, сказать, что оппозиция внешний/внутренний “расширена” в этих вариантах до отношения ограниченный/неограниченный, частным случаем которой она и является.

Ничем не мотивированное желание персонажей “Теремка” попасть *внутрь* естественно и разнообразно мотивируется в литературных версиях этого сюжета: герои сказки Сутеева *прячутся под грибом от дождя* (дождь прозрачно мотивирует негативную маркированность внешнего пространства), герои пьесы Маршака “Теремок” “рвутся” *внутрь, подстегиваемые голодом в предвкушении сытного обеда*. В сказке М. Михайлова муха влетает в кузовок, чтобы заглянуть, “нет ли чего съестного”, комар просится к ней в гости, а слепня даже спрашивают, *зачем* он просится к ним в кузовок. Совершенно очевидно, что фольклорному инварианту чужды любые мотивировки; здесь притягательность внутреннего пространства теремка самоочевидна. Характеризуя архаическое понимание пространства, В.Н. Топоров пишет: “Кроме пространства, существует еще не-пространство, его

отсутствие, воплощением которого является Хаос, состояние, предшествующее творению...” И далее: “...пространство не только неразрывно связано с временем, с которым оно находится в отношении взаимовлияния, взаимоопределения, но и с вещественным наполнением (первотворец, боги, люди, животные, растения...), т.е. всем тем, что так или иначе “организует” пространство, собирает его, спланирует, укореняет в едином центре”⁹. Вероятно, ощущение пространства теремка, его отграниченность от не-пространства (в сказках никогда не говорится, *откуда* приходят к теремку звери, нет даже единичных поздних проговорок об этом) достаточно мотивирует притягательность наполняющегося на наших глазах пространства теремка. Не случайно маленькие дети, подобно героям теремка, без всяких дополнительных мотивировок, любят забираться в различные ограниченные пространства — в шалаш, под накрытый длинной скатертью стол, в картонную коробку и т.д., возможно, переживая небольшое, соизмеримое с собственными размерами пространство как организованное и уплотненное — в контрасте с внешним — хаотичным, необозримым пространством (не-пространством) квартиры, двора, города.

Сказка “не заглядывает” внутрь теремка. Единственное, о чем сообщает сказка, это то, что звери там “живут”: “Вот уже их четверо живут” (1), “Вот и стали вдвоем жить” (3), “И стали себе жить вдвоем” (4) и т.д. Нередко сказка обходится и без этого достаточно абстрактного указания на то, что происходит *внутри* теремка:

«Летит комар и говорит:

— Хорош терем, пригож терем, кто в этом терему живет?

— Муха-полетуха, а ты кто?

— Я комар-пищеляга.

— Так полезай сюда!

Бежит мышь и говорит...» и т.д. (6)

Часто глагол “жить” включен в диалог-формулу, воспроизводимый в связи с появлением каждого нового персонажа:

«Ну, пришла блоха-попрудуха. “Кто в сем городе *живет*, кто в сем Киеве *живет*?” Ну, она и отвечает: “*Живет* в сем городе, *живет* в сем Киеве вошь поползуха. Ты кто?”» (12)

В отдельных вариантах происходит конкретизация поведения, жизни персонажей в теремке. В тексте 15, например, где функцию теремка выполняет лодочка, сказка сообщает: “И поехали, запели на разные голоса, едут да поют, да прифуркивают”.

Совершенно очевидно, что эти частные конкретизации составляют своеобразие отдельных вариантов сказки и не входят в ее инвариантную

---

⁹ В.Н. Топоров. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М., 1997. С. 462.

основу (однако показательно, что персонажи в теремке ведут себя позитивно, радостно — поют).

Тем более не интересуют сказку то, что происходит *вне* теремка, *откуда* приходят к теремку его будущие обитатели: сразу вслед за предельно лаконичной экспозицией сказки, оправдывающей появление теремка (“Построила муха терем” (2); “Ехал мужик с горшками, потерял большой кувшин” (3); “Лежит в поле лошадиная голова” (4) и т.д.), сказка констатирует появление сказочного персонажа: “Пришла вошь поползуха” (2); “Залетела в кувшин муха...” (3); “Прибежала мышка норышка и спрашивает...” (4). Лишь иногда внешнее пространство персонажей дает о себе знать в обязательной для этих сказок прозвищах: “лягушка — на воде балагта”, “заяц — на поле свертень”, “лиса — на поле краса” (3); “мышка-норышка”, “заяц — на горе увертыш”, “волк — из-за кустов хватыш” (4) и др. Весь интерес сказки сосредоточен *на границе внешнего и внутреннего пространств*, у входа в теремок, на его пороге. Здесь разворачивается сказочное действие, “звучат” диалоги, здесь теремок проявляет свою уступчивость и гостеприимство, здесь слушатель “проверяет” мощь сказочной гиперболы: “выдержит” она зайца в кувшине? лису? волка? медведя?

Сказка четко распадается на определенное количество эпизодов — по количеству персонажей: действие всех центральных эпизодов (кроме рамочных — первого и последнего) происходит у *входа в теремок*¹⁰. Границы эпизодов задаются появлением нового персонажа; такая сюжетная монотонность сказки усиливается композиционным единообразием: все центральные эпизоды состоят из формульных диалогов, сопровождаемых сжатым до предела повествованием, сообщающим о появлении нового героя. Можно не сомневаться, что отмеченные особенности субъектно-объектной организации сказки принадлежат ее инварианту: почти все фольклорные варианты следуют описанной сюжетно-композиционной модели (“стягивание” кумуляции в двух вариантах — 9 и 11 — лишь оттеняет композиционное единообразие оформления эпизодов).

С одной стороны, сказка “выстраивает” персонажей по размеру, “по росту”, с другой — с определенного момента начинает нарастать противоречие между размером “емкости” и размером персонажей. Сказка же этого как бы не замечает. не реагирует на переход границы реальности: диалоговая формула у входа в теремок остается прежней вплоть до почти ничем не подготовленного финала (единственное предупреждение — несколько агрессивно звучащее прозвище волка, как бы предвещающее скорое окончание цепочки). Все растущее

---

¹⁰ Об особой выделенности разных видов границ (порог, дверь, лестница, окно и т.д.) в разных типах текстов, в том числе в сказках, см.: В.Н. Топоров. Пространство и текст. С. 492.

количество персонажей также откровенно входит в противоречие с объемом пространства теремка. Сказка нередко акцентирует это противоречие: “И стало их *трое*” (*четверо, пятеро* и т.д.) (3); “Стали они *втроем* жить” (*вчетвером, впятером* и т.д.) (4) и др. В этом двойственном отношении к размеру — определенное лукавство сказки, ее комизм.

При этом *объем пространства* должен быть таким, чтобы, с одной стороны, быть *достаточным и нормальным* для первых членов цепочки персонажей, меньших по размеру, с другой — совершенно *недостаточным, ненормальным* для последних членов цепочки, больших по размеру. Эффект этой сказки в том и состоит, чтобы создать некоторую иллюзию реальности происходящего, соразмерности внутреннего пространства и его обитателей — с тем, чтобы тут же преодолеть эту иллюзию, гиперболизируя вместимость кувшина, решета, рукавицы и “пропуская” в них зайца, лису, волка...

Любопытно, что в абсолютном большинстве имеющихся в нашем распоряжении вариантов сказки персонажи именуют скромное пространство кувшина, корчажки, решета пышно и гиперболизированно: “Кто в терему, кто в высоком?” (1); “Кто в хороммах, кто в высоких?” (3); “Кто в этом городе, кто в этом тереме живет?” (11); “Кто в сем городе живет? Кто в сем Киеве живет?” (12); вероятно, так сказка подчеркивает несоразмерность крошечной мухи (вши, блохи) и огромного пространства кувшина, решета и т.д. Но по мере увеличения роста персонажа, когда несоразмерность приобретает противоположный характер, диалог-формула остается тем же, что создает определенный *комический эффект*: ведь и медведь обращается к жителям кувшина с тем же вопросом: “Кто в терему, кто в высоком?”

Можно не сомневаться, что игра размерами, нарастающая и внезапно обрывающаяся сказочная гипербола — неотъемлемые черты инвариантной основы “Теремка”. Вероятно, здесь кроется еще один секрет притягательности этой сказки для детей: рост, величина актуальны для них уже в силу “неполноценности” собственных размеров. К тому же сказка сначала не замечает разницы между большими и маленькими, а потом самого большого делает разрушителем, “злодеем”, что невольно окрашивает цепочку меньших персонажей весьма позитивно.

Мы видим, что сказку занимает *граница* внешнего и внутреннего пространств, готовность внутреннего пространства принять новых обитателей, а также возможности внутреннего пространства вмещать в себя обитателей извне, точнее, ограниченность этих возможностей, их конечность. Не случайно В.Н. Топоров относит сказку “Теремок” к текстам, “непосредственно ориентированным на изображение пространства”, упоминая ее в числе “операционных текстов типа сказок,

загадок, магических формул, в которых проверяется процедура заполнения”¹¹.

Сказка настолько сосредоточена на этом, что не замечает ни биологических свойств животных-персонажей (способность их ужиться друг с другом и т.д.), ни традиционных сказочных характеров: трусость зайца, коварство лисы, глупость волка. Персонажи-животные вообще не наделены здесь ни характерами, ни какими-либо эмоциональными или ценностными характеристиками (здесь сполна “отыграется” литературная сказка в многочисленных авторских вариантах). Они — лишь своего рода фишки, по правилам игры расставляемые по росту, от маленькой — к самой большой. Их по очереди вдвигают куда-то внутрь, не заглядывая — куда — и не задумываясь — зачем.

Однако здесь следует оговориться. Несмотря на отмеченную особенность инварианта (безразличие к характеру, индивидуальности персонажей), он оставляет и определяет место для представления (характеристики, оценки) персонажей в конкретных вариантах. Конечно же, речь идет об *обязательных* для этой сказки *прозвищах*, сопровождающих появление *каждого персонажа*. Каждый исполнитель сказки волен выбрать *свое* прозвище, но он *не волен его не выбрать совсем!* (Среди имеющихся в нашем распоряжении текстов — ни одного без прозвищ; пропуски прозвищ отдельных персонажей крайне редки. Более того, композиционное устройство эпизодов настоятельно требует упоминания прозвищ: “Я — муха-горюха, а ты кто?” — “Я — блоха-посакауха” (1). Без прозвищ такие диалоги-знакомства оказались бы пустыми, лишними.) Откликаясь на “фишечность”, безликость персонажей, исполнители компенсируют интерес к ним в прозвищах, подчас вбирающих в себя и отношение исполнителя, и внешние черты, и традиционный сказочный характер. Так, *муха* получает в русских вариантах прозвища: бурчага; полетуха; горюха; шумиха; барайдунья (?); комуха (?); мати матуха; *мышь* — из-за угла хмыстень; толста колоколенка; торочайка (?); мышечка-тютюрюшечка; серке (?); по углам мухта (?); шишок (?); норышка; мышка — коротеньки ножки, толсты стегоньца; *заяц* — полевая прикраса; на горе увертыш, везде поскокишь; на поле свертень; заюшко — из-под кустышка; криволапый; из-за куста хватень; по горам прыгун; попрыгайка; ушканчик сероглазенький; через прутики прядыш (?); косою; зайко-белейко; заюшко-попытаюшко, ушки долги, ножки коротеньки; *медведь* — лесной гнет; медведище — толсты пятища; нагнет; всех давиш; тяпыш-ляпыш, всем погнетыш; из берлоги валень; гнетыш; медведище, всем потяпище; медведина-теплоедина. Лягушка, блоха, волк, лиса получают не менее разнообразные и неожиданные прозвища.

---

¹¹ Там же. С. 512.

В связи с приведенным материалом нельзя не упомянуть позицию В.Я. Проппа по отношению к кумулятивным сказкам и, в частности, к сказке “Теремок”: “В этом повторении и состоит основная прелесть этих сказок. Весь смысл их — в красочном, художественном исполнении. Так, в данном случае каждый зверь характеризуется каким-нибудь метким словом или несколькими словами, обычно в рифму... Исполнение их требует величайшего мастерства. По исполнению они иногда приближаются к скороговоркам, иногда поются. Весь интерес их — это интерес к колоритному слову как таковому. Нагромождение слов интересно только тогда, когда и слова сами по себе интересны. Поэтому такие сказки тяготеют к рифме, стихам, консонансам и ассонансам, и в этом стремлении исполнители не останавливаются перед смелыми новообразованиями”¹². Эти выводы были получены в результате сравнения *разных* (всех известных исследователю типов) *кумулятивных сказок*, которое естественно высветило яркую особенность сказки “Теремок” — словотворчество и словесную игру. Но если присмотреться к *разным вариантам одной единственной* сказки “Теремок” в их отношении к инварианту, то становится ясным, что игре словом здесь отведено четкое место — прозвища персонажей; это одно из немногих мест в сказке, жестко не заданных инвариантом (пожалуй, определенная свобода допускается еще в замысле композиции и в выборе “словесного наряда” для оформления однотипных эпизодов, однако здесь свобода дается лишь единожды, т.к. “словесный наряд” этот сразу же становится формулой). Прозвища животных — при абсолютной идентичности предписанных им ролей — оказываются единственным средством индивидуализации персонажей. Сюжет и композиция обезличивают, уравнивают их, прозвища — выделяют, индивидуализируют, не позволяя до конца превратить персонажей в скучные “фишки”.

Но любопытно, что последняя такая “фишка” — медведь — ставится не так, как все остальные. Она оказывается *не внутри*, а *снаружи*: “Сел *на* кувшин и всех раздавил” (3); “Сел *на* голову и раздавил всех” (4); “Не успел медведь сесть *на* крышу, как раздавил домик. Успели из него выбежать только лиса и заяц” (8); “...*на* решето сел да всех и задавил” (11); “Сел *на* лошадиную голову и растиснул. Все разбежались” (18).

Здесь и сцепляются центральные для этой сказки оппозиции внешний/внутренний и большой/маленький: самый большой персонаж не допускается внутрь (хотя персонажи никак не выражают запрета войти в терем), воздействует на теремок снаружи и ломает его. Да и само прозвище медведя (“гнетыш”, “лесной гнет”, “нагнет”, “пригнетыш”, “давиш” и др.) подчеркивает разрушительное воздействие, идущее

---

¹² В.Я. Пропп. Кумулятивная сказка. С. 247.

извне, а реплика медведя, в которой появляется это прозвище (“А я вас всех давиш” (4); “Я тыпыш-ляпыш, всем подгнетыш!” (2); “А я всем вам гнетыш” (7) и др.), не только звучит угрожающе, предупреждая о близком конце сказочной гиперболы, но и противопоставляет *большого* медведя *маленьким* (в логике этой сказки) *всем* другим персонажам.

Сказочная гипербола (позволяющая увеличиваться *внутреннему* пространству теремка) относит всех персонажей *до* медведя к категории “маленький” — все они попадают *внутрь*. Медведь, противопоставленный в этой сказке всем остальным персонажам как *большой* — *маленьким* (с точки зрения правил инварианта, допускающего “разрастание” внутреннего пространства теремка) остается вне, снаружи.

Большой медведь оказывается *внешним* по отношению к “маленьким” персонажам, *внешнее* пространство оказывается одновременно неограниченным, бесконечным, *большим*, контрастируя с *внутренним* (ограниченным, *маленьким*) пространством теремка.

Так сказка связывает члены двух оппозиций: маленький оказывается внутри, большой — снаружи.

Соединение это сопровождается появлением некоторых — пусть не слишком ярких — эмоционально-ценностных полюсов: маленький+внутренний связываются с позитивом, большой+внешний — с негативом (все персонажи стремятся *внутрь*, в *маленький* “домок”, “корчажку”, рукавицу; всем по-сказочному *маленьким* персонажам удается попасть *внутрь* без ущерба для теремка; *большой* персонаж не допускается *внутрь* и оказывается агрессором, разрушителем “внутренности”).

Такое соединение членов двух пар бинарных оппозиций неоднократно отмечалось исследователями архаичных обществ¹³; установление подобных корреляций в фольклорном инварианте, несомненно, приоткрывает ускользающие при восприятии единичного варианта *смыслы*, обнаруживает предельно обобщенное *высказывание* сказки о переживании человеком окружающей его природы и законов бытия, объясняя тем самым многовековую притягательность этой “детской” (?) сказки.

* * *

---

¹³ См., например: В.В. Иванов, В.Н. Топоров. О типологии систем двоичных классификационных признаков // В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 259-305.

Таким образом, инвариант этой русской сказки складывается из следующих основных характеристик:

1) Метонимическое объединение пространства теремка и его обитателей, наделение внутреннего пространства теремка некоторой активностью (гостеприимство, уступчивость).

2) Равнодушие к особенностям теремка: его форме, предыстории и т.д.; сосредоточенность на наличии *внутреннего ограниченного по объему* пространства.

3) Текстуально немотивированная притягательность внутреннего пространства теремка для всех персонажей сказки; противопоставленность *внутреннего* — заполняемого по ходу сказки — пространства теремка *внешнему*.

4) Ограниченность сюжета сказки моментами появления и разрушения теремка (сказочное действие располагается *между* этими точками); безразличие к судьбе персонажей *до* и *после* этих границ.

5) Сосредоточенность сказочного действия на границе внешнего и внутреннего пространств, *у входа* в теремок; безразличие к происходящему *внутри* и *снаружи*.

6) Сюжетная и композиционная монотонность сказки; обязательное присутствие прозвищ персонажей.

7) Выстраивание персонажей по росту, от самого маленького — к самому большому; участие в “игре в теремок” контрастных по размеру персонажей: от блохи до медведя; “фишечность” персонажей.

8) Гиперболизация вместимости внутреннего пространства теремка, текстуальная неотмеченность границ реальной вместимости и начала сказочной гиперболы; неожиданная “остановка” нарастающей гиперболы.

9) Медведь в роли разрушителя; внешняя позиция медведя по отношению к теремку.

10) Корреляция оппозиций большой/маленький и внешний/внутренний, их эмоционально-ценностная поляризация.

Обработки сказки для детей, выполненные К. Ушинским, А. Толстым, О. Капицей и А. Нечаевым, точно сохраняют инвариантную основу. В обработке М. Булатова нарушается запрет “заглядывать” внутрь теремка (“*вот они все в тереме живут, песни поют*”), что служит мотивировкой для прихода медведя (“Увидел медведь теремок, услышал песни, остановился и заревел во всю мочь...”). Более того, по версии этой обработки медведь пытается влезть внутрь теремка, но не может, и поэтому говорит: “Я лучше у вас на крыше буду жить”. Здесь явно не выдержана инвариантная основа, предписывающая медведю *немотивированную агрессивность* (и прозвище-то у медведя тут

“ласковое” — “косолапый”!) и *немотивированную внерасположенность* по отношению к теремку. Кроме того, эта версия сообщает о том, что звери стали строить новый теремок и построили лучше прежнего. Ясно, что такой финал — чистый призыв автора обработки, не имеющий никакого отношения к инварианту сказки.

В обработке В.И. Даля тоже появляется — хотя и иная — мотивация для появления медведя и разрушения теремка: ссора волка с остальными персонажами; в результате сказка приобретает откровенную (чуждую инварианту!) нравоучительность. Кроме того, здесь происходит некоторое расшатывание “словесного наряда” и разрушение формульности. Начало, повествующее о появлении теремка, прочно связывается с концом — так складывается характерная сказочная *рамка*, отсутствующая в инварианте.

Е.И. Чарушин по-своему нарушает требования фольклорного инварианта, все больше приближаясь к литературной версии “Теремка”: его текст строится из чередующихся стихотворных и прозаических фрагментов; появляется чуждое этой фольклорной сказке звукоподражание; как и в обработке Булатова, в теремке здесь “песни распевают”, а медведь даже пытается поймать разбегающихся зверей. (Подчеркнем, что вопрос об оправданности и целесообразности подобных инициатив авторов обработок в этой статье не поднимается.)

Общей *особенностью латышского, украинского и белорусского вариантов* сказки является отсутствие у медведя роли разрушителя (что еще раз подчеркивает связь этого персонажа русской сказки с языческим культом восточных славян): в латышской сказке забравшихся в рукавицу и пляшущих там зверей (в их число попадает и медведь) разгоняет *летух*, в украинской — в рукавицу, вместившую не только медведя, но еще и кабана, стреляет *охотник*, в белорусской сказке коляску мухипевухи *глотает волк*. Так рушится в этих национальных вариантах характерная для русской сказки корреляция оппозиций большой/маленький, внешний/внутренний, а сказка теряет свою глубину, становясь чистым развлечением, игрой.

Литературные произведения, созданные на сюжет “Теремка”, вовсе не подчиняются диктату фольклорного инварианта. Более того, места жестких инвариантных ограничений разрабатываются здесь особенно тщательно и разнообразно. Подробный анализ соотношения литературных версий “Теремка” с фольклорным инвариантом мог бы стать предметом отдельной статьи.

Подчеркнем в заключение, что исследование сказки с точки зрения отношения инвариант-вариант создает необходимые условия для критического отношения к разнообразным обработкам сказки, служит исходным пунктом для выявления ее национального своеобразия, а также для анализа литературных версий фольклорного произведения.

